

РЕЦЕНЗИИ**С.А. Комаров¹***Тюменский государственный университет***ОТЗЫВ****О ДИССЕРТАЦИИ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНЫ ХУДЕНКО
«ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО МАНДЕЛЬШТАМА, ЗОЩЕНКО, ПРИШВИНА 1930 – 1940-х
ГОДОВ КАК МЕТАТЕКСТ»**

Еще лет десять-пятнадцать назад появление лексемы «метатекст» в заглавии диссертации казалось нарушением всяческих стандартов и «приличий», высшей степенью риска как со стороны соискателя, так и со стороны Совета, принявшего такую работу к публичной защите. Но даже если человек и Совет были тогда готовы «подставиться» под столичное око в своей первоизданной чистоте, то сегодня ситуация иная: в качестве метатекстового объекта мы готовы принять и надтекстовый слой литературных явлений. Все это свидетельствует, что отечественная наука о литературе, действительно, ускоренно движется, развивается, и вектор ее развития – антропологический. Тема данной докторской диссертации – наглядное подтверждение данного тренда.

Она очень четко вписывается в логику и предшествующих историко-литературных исканий. Вспомним, что в ряду первых жизнеповеденческих работ из персоналий писателей сталинской эпохи были Зощенко (работа Маризтты Омаровны Чудаковой), Пришвин (работа Натальи Петровны Дворцовой), Мандельштам (работа Сергея Сергеевича Аверинцева). В этом ряду можно также вспомнить работы о Маяковском, Олеше и Булгакове.

Актуальность и научная значимость исследования Елены Анатольевны Худенко заключается в четырех принципиальных подвижках. Первое – тридцатые годы рассматриваются вне разрыва с сороковыми годами, мыслятся как единый метатекст. Второе – сороковые годы не членятся на военное и послевоенное пятилетия, что ранее осуществлялось как почти необсуждаемая данность.

Третье – судьбы совершенно различных художников – художников различных по мере признанности, по возрастным пристрастиям, по обстоятельствам ухода из жизни и т.д. – рассматриваются в аспекте жизнотворчества как единый метатекст.

Четвертое – то, что находится за пределами данного метатекста, практически мыслятся как единый антиметатекст. Поэтому вся конструкция литературной жизни моделируется в качестве семиотически двухслойной и организованной по принципу противостояния / противопоставления.

Таким образом, актуальность темы данной диссертации определяется последовательно семиотическим подходом к моделированию литературной жизни 1930 – 1940-х годов, а значит, и проверкой возможности моделирования отдельных отрезков литературной жизни страны советского периода.

¹ Комаров Сергей Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Тюменского государственного университета, Тюмень.

По сути, соглашаясь с концепцией М.М. Голубкова и ряда других столичных ученых о монистической природе советской культуры времен сталинского правления, Елена Анатольевна Худенко переводит данный взгляд на язык семиотики. В результате художнику остается только один путь противостояния внешнему агрессивному идеологическому монизму – капсулирование в собственной логике жизнотворчества во имя сохранения экзистенциального ядра своей личности и поддержания личного достоинства на уровне все еще возможного творческого импульса.

Структура диссертационного исследования имеет ясный и традиционный характер для работ, где анализируется целый ряд художественных персоналий. Первая глава имеет проблемно-теоретический характер, каждая из трех других глав посвящена аналитике одной из персон в заданном аспекте. Естественность такого построения позволяет сохранять живую логику исканий каждого из художников и реализовывать собственно историко-литературный взгляд на проблему во всей его полноте и объемности.

Все три главы, посвященные персоналиям, читаются, как принято говорить, на одном дыхании, они наполнены множеством оригинальных и точных наблюдений исследователя.

Елену Анатольевну отличает тонкое и профессиональное чувство принципиально различных по психотипу и культурной генетике мастеров слова. Ясность понятийного языка способствует живому ценностному обсуждению и описанию жизнотворческих стратегий Мандельштама, Зощенко и Пришвина. При этом, на мой взгляд, Елена Анатольевна Худенко органично сочетает филологический профессионализм взгляда с собственно человеческой мудростью ощущения Другого – его призванности, его дара, его реальных жестов и решений – текстовых и внетекстовых.

С одной стороны, Худенко мыслит поле жизнотворческих стратегий как метатекст единый и «потаенный», с другой стороны, она его манифестирует как метатекст «альтернативный» официальному и метатекст многоформный. Данная многоформность обеспечивается силой и творчеством субъектов жизни, их антропологическим даром и потенциалом. Это, в свою очередь, создает именно семиотически сложную картину эпохи, обнаруживает и выявляет в ней неожиданную меру свободного маневра за счет углубления в пространство собственно личностного.

Тем самым создается принципиально новый образ эпохи 1930–1940-х годов, ее иных, но реальных горизонтов. Пафос внешней мобилизации заменяется открытием ресурсов внутренней мобилизации личности, красоты ее предельных решений и жестов. В этом, на мой взгляд, и заключается суть крупной научной проблемы, поставленной и решенной Еленой Анатольевной Худенко.

Выявление культурно-антропологического потенциала русской литературы 1930 – 1940-х годов через аналитику жизнотворческих стратегий трех знаковых ее представителей – такова эта крупная научная проблема.

Несомненная практическая значимость осуществленного диссертантом исследования не только в модельном описании трех индивидуальных жизнотворческих стратегий, но именно в обнаружении и в предметном развернутом показе того эффективного пути, по которому может осуществляться полная ревизия той антисоветской модели, которая была спешно навязана отечественной филологии в 1990-е годы именно рядом успешных столичных ученых, закрепивших ее в учебниках и учебных пособиях разных сортов и видов, а также рядом специалистов, выехавших за границу, но считающихся у нас почему-то главными авторитетами по эпохе.

Варварская деконструкция советских мифов практически лишила эпоху 1930 – 40-х годов объемности взгляда. Человек той эпохи почти предстал «человеком без свойств», то есть не-человеком. Работа Елены Анатольевны Худенко методологически предлагает иной взгляд, иное измерение эпохи, но главное – иной образ человека в ней. Это человек выдающийся, штучный, но он живой, зримый, материальный, человек адаптирующийся, живущий каждодневно не в условном пространстве, а на этой земле, вырабатывающий свою линию и приемы отстранения, выхода на грань, на межу дыхания и свободы.

В этой логике обнаруживаются и совершенно иначе начинают читаться текстовые знаки. То, что казалось так называемыми культуремами у Мандельштама, оказывается системной «физиологической корректировкой» слова, результатом номинации внешнего напряженной системой конкретных органов восприятия, вовлечения собственной физики поэта в предмет, в объективирование этой процедуры. Приведу лишь один пример показательного в этом смысле рассуждения (стр. 120): «Беспозвоночные (насекомые и черви) населяют всю позднюю поэзию и прозу Мандельштама. Так, в метаописательных текстах поэт сравнивает фольклор с «прожорливой гусеницей», комментарии к текстам с саранчой («Жак родился и умер»), время предстает как «робкая хризалида, обсыпанная мукой капустница» («Египетская марка»), смена кинокадров уподобляется движению ленточного глиста («Разговор о Данте»). Поэтические тексты Мандельштама этой поры «кишат» дождевыми червями, улитками, ящерицами, цикадами, кузнечиками, стрекозами, бабочками. В образе беспозвоночных (которые были поименованы так именно Ламарком) Мандельштаму видится модель «личности» новой эпохи, его прельщает примитивность, служащая гарантией целостности. (Пропускаю три предложения диссертанта). Такая природная организация может быть воспринята как идеальная модель существования в мире, где в один момент можно потерять все – голос, тело, дыхание. У беспозвоночных нет артикуляционного аппарата, следовательно, не сформирована потребность выражать мир. При этом они способны издавать звуки, производимые от соприкосновения их частей тела...» – и т.д. Так диссертант неспешно, но очень точно и аргументировано идет к специфике ощущения поэтом телесности себя и эпохи, не выводя художника за грань предметного разглядывания жизни, а наоборот, видя в каждом его знаке, жесте высокую логику и вместе с ней красоту самоосуществления «здесь и сейчас».

Елене Анатольевне действительно, на мой взгляд, удалось выявить и тонко описать специфику индивидуального соотношения и претворения в слово физики и метафизики Мандельштама, Зощенко и Пришвина, их герменевтических практик.

Замечания по работе носят, скорее, характер соразмышлений в рамках той общей логики, которую предлагает диссертант.

1. Главы «медальонного» характера относительно несоразмерны: глава о Мандельштаме – 86 страниц, о Зощенко – 62 страницы, о Пришвине – 108 страниц.

2. Признание диссертанта, что жизнетворческие стратегии писателей зарождаются «в одной точке» – «в идее пересотворения себя и мира» (стр. 350), не противоречит ли тезису о программной альтернативности данных жизнетворческих практик? Нет ли здесь более сложного и программного совпадения с духом эпохи в широком смысле слова, когда пересотворение и мобилизация действительно осуществляются именно творцом, хотя это совпадает и с официальными лозунгами страны? В этой связи характер насилия и разрыва, усиливаемый именно семиотическим зрением исследования, не приходит ли в противоречие с интенсивностью и направленностью герменевтических практик каждого из художников, предельностью и неотменяемостью их усилий, то есть с тем, что диссертант именуется «освобождением авторского и человеческого «я», счищением шелухи и бытовых обстоятельств» (с. 352)? В результате «остаток» личности не просто охраняется, а укрупняется и выписывается.

3. Могут ли художники, активно участвовавшие в официальной общественной жизни (например, А. Фадеев, К. Симонов, К. Федин, С. Михалков и др.), быть прочтаны и поняты с позиций их герменевтических практик и ценностно не противопоставлены тому ряду, который исследуете Вы? Или они являются элементами другого метатекста тех же 1930 – 1940-х годов? Допустимо ли в их опыте то, что Вы именуется «нелинейностью жизнетворчества», «значимостью периферийных и глубинных зон текстов искусства», исходя из той общей исходной семиотической модели, которую я пытался вычитать из диссертации, но, может быть, излишне схематично представил?

4. Если Зощенко и Мандельштам – литераторы одного поколения, то Пришвин на двадцать лет их старше и, очевидно, выражает опыт совсем другого поколения, его

приоритеты и ориентиры. В какой мере это Вами учитывалось? И не потребуют ли существенной корректировки Ваши выводы, если будут взяты в качестве предмета изучения жизнетворческие практики постмандельштамовского поколения, допустим жизнетворческие практики Михаила Исаковского, Владимира Луговского, Дмитрия Кедрин и др.

Данные соразмышления и вопросы вызваны прежде всего именно фундаментальностью и эффективностью оригинального решения крупной научной проблемы диссертантом. Зафиксированные Еленой Анатольевной Худенко типологические особенности жизнетворческих стратегий Мандельштама, Зощенко, Пришвина, а также предлагаемые понятийные инструменты анализа стратегий имеют существенное теоретико-литературное значение и могут быть плодотворно транслированы на целый ряд крупных историко-литературных явлений.

Комплексность подхода к феномену жизнетворчества определила и научную новизну исследования Е.А. Худенко, и достоверность полученных ею результатов.

Цель работы успешно достигнута, поставленные задачи диссертантом убедительно решены.

Автореферат адекватно отражает общее содержание, структуру и результаты диссертационного исследования Е.А. Худенко.

Список и характер публикаций соответствуют нормам и стандартам, предъявляемым к докторским диссертациям филологического профиля.

Положения, выносимые на защиту, оригинальны, являются звеньями решения крупной научной проблемы и детально развернуты в основном тексте диссертации.

Практическая значимость полученных результатов имеет широкую сферу применения. Результаты будут востребованы как историками русской литературы середины XX века, так и специалистами-культурологами, работающими на отечественном материале прошедшего столетия. Междисциплинарный и предметный характер работы Е.А. Худенко позволит включить ее идеи и наблюдения в широкий спектр областей гуманитарного знания, из которых все же следует выделить культурно-историческую антропологию.

Диссертационное исследование Елены Анатольевны Худенко «Жизнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930–1940-х годов как метатекст» носит концептуальный, завершённый, целостный характер, содержит оригинальное и убедительное решение крупной научной проблемы и отвечает всем требованиям, предъявляемым к работам подобного рода.

6 марта 2012 г.